

Валентин Пикуль

Барбаросса (фрагмент)

*Светлой памяти отца,
Саввы Михайловича Пикуля,
который в рядах морской пехоты
погиб в руинах Сталинграда,
– с сыновней любовью посвящаю*

НАЧИНАТЬ ЛУЧШЕ С КОНЦА

Последний самолет из Сталинграда... самый последний!

6-я армия Паулюса давно потеряла аэродромы в Питомнике и Гумраке; трехмоторный Ю-52 с трудом оторвался от земли – среди гиблых воронок, обгорелых грузовиков и штабных автобусов, забитых окоченевшими трупами. Чтобы скорее уйти от огня зениток, пилот слишком резко набрал высоту, при этом мешки с полевой почтой сами по себе откатились в хвост фюзеляжа... Перегруженную машину трясло от близких разрывов, осколки часто барабанили в корпус. Штурман прогорланил:

– Это развлекаются русские девки, которых Сталин соблазнил зенитками, вот они и лупят. Поверьте: лучше было десять раз пролететь над Тобруком или Мальтой, нежели один раз над русскою Волгою...

Ю-52 еще недавно снабжал армию Роммеля в Африке и потому летел над заснеженной степью – желтый, как заморский попугай, замаскированный под цвет пустынь Киренаики. Штурман велел радисту передать в Полтаву, что «воздушный мост» 6-й армии Паулюса разрушен, пусть никто не вздумает повторить их опыт: они последние! Радист сообщил:

– Сальск уже не принимает, садимся в Новочеркасске. Не знаю почему, но это – личное распоряжение Геббельса.

– Геббельс? – удивился пилот. – Но с каких это пор министр пропаганды стал вмешиваться в дела военных?

– Сам дьявол в делах Берлина не разберется...

На аэродроме в Новочеркасске самолет ожидала команда полевой жандармерии и служба войсковой почты. Семь мешков с

последними письмами последних солдат «крепости Сталинград» шмякнулись на снег. Теперь предстояла проверка пассажиров, улизнувших из Сталинграда. Раненых из котла давно не вывозили. Покидающие котел должны были иметь разрешение на вылет, заверенное лично Паулюсом или начальником его штаба Артуром Шмидтом. Но была еще спасительной для счастливых справка о тяжелой болезни за подписью генерала-профессора Отто Ренольди – главного врача окруженной армии. Среди пассажиров Ю-52 только один капитан улыбался, почти блаженно. Остальные – как выходцы с того света. Впрочем, хлопот жандармерии они не доставили: кинооператор из ведомства Геббельса с отснятой пленкою, немощный генерал с камнями в печени, инженер по наладке станков, знания которого в котле оказались лишними, зубной техник, инспектор метеослужбы, два священника и прочие. Дошла очередь и до капитана, о принадлежности которого к войскам связи можно было судить по желтым петлицам...

Блаженная улыбка еще не покинула его лица.

– Сейчас, сейчас, – пугливо говорил он, ковыряясь в обширном бумажнике. – Генерал Шмидт даже настаивал на моем вылете. Не могу найти! Куда я засунул эту справку?

– Причина вылета? – спросили жандармы.

– Специалист по штабным телетайпам.

– Это профессия, но это не причина.

– Мне обещано место в гарнизоне Кракова.

– Тоже не причина. Может, вы ранены?

– Нет... Впрочем, нуждаюсь в операции.

– Тогда где же справка генерала Ренольди?

– Ренольди меня осматривал, но я...

– Ясно, – сказал офицер полевой жандармерии, и на его груди качнулась большая бляха с № 3307. – Отойдите.

– В сторону... быстро! – заорали жандармы.

Только теперь капитан все понял, и улыбка блаженства сменила серая, как гипс, маска ужаса.

– Не надо... прошу вас, – бормотал он, становясь жалким. – Клянусь... у меня жена... трое детей! Вот они...

Он загоразивался фотографией трех кудрявых детишек.

Его расстреляли под «брюхом» самолета, который медленно докручивал в морозном воздухе последние обороты пропеллеров. Большие жирные вши ползали на застывающем трупe.

Жандарм под № 3307 еще передернул затвор «шмайссера».

– Когда же это кончится? – сказал он...

Через пять дней все кончилось: Паулюс капитулировал.

Был объявлен трехдневный траур. Театры, рестораны и даже пивные закрыли. Берлинское радиовещание транслировало траурные марши Бетховена; жутко было от мощного вздрагивания оркестров – в «Гибели богов» Вагнера. Политический радиокорментатор Ганс Фриче прослушивал последнюю сводку советского командования, которую Москва передавала на немецком языке. За этим занятием его и застал Геббельс.

– Ну, что они там? – спросил министр пропаганды.

– Торжествуют... Конечно, такого еще не бывало: один фельдмаршал и сразу двадцать четыре генерала, куда же больше? Сейчас их там загонят в подвалы Огэпэу, где они и подпишут все как миленькие. А потом – пиф-паф в затылок!

Беседа проходила в «Радиодоме» на Мазурен-аллее.

– Надо бы вытащить к микрофону сына Паулюса, – сказал Геббельс. – Он в чине майора, тоже был в Шестой армии, хотя котел его миновал. Я уже слышу скорбный, но мужественный голос сына, вещающего Германии о героической гибели отца на приволжской площади Павших борцов...

Геббельс шлепнул на стол папку, перечеркнутую по диагонали красной полосой, означавшей: **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**. Неожиданно завел речь о жене Магде и своем пасынке.

– Ночью она, бедняжка, опять жаловалась на перебои в сердце. Я понимаю ее страдания: Гервальд повидал только Крит, и теперь она боится, как бы его не загнали на Восточный фронт. Материнское сердце! Тут ничего не поделаешь... Ну, – спросил он, – а как дела с почтой из Сталинграда?

Над Германией погребально звонили церковные колокола. Фриче был весь в черном – как церемониймейстер на похоронах.

– Семь мешков писем с последним самолетом, – отвечал он. – Вот не ожидал... Когда летом я вел трансляцию из Харькова об успехах Шестой армии по окружению Тимошенко, разве я мог подумать, что вещаю в эфир о покойниках?

– Не раскисать, Фриче! Мы же работаем столько лет... Сейчас самое главное – поставить фильм о короле Фридрихе Великом. Это будет здорово! Пусть мундир короля обветшал и весь

в заплатках, пусть режиссер крупным планом выделит его дырявые ботфорты. Но лица королевских гренадеров должны излучать железную веру в победу... Я опять вижу крупный план! Это будет потрясающий фильм, Фриче...

Паулюс и его генералы этого фильма уже не увидят. Застуженные русские поезда развозили 6-ю армию по лагерям для военнопленных. Их везли так, чтобы они не могли прочесть названия станций. Им оставили все ордена и отличия, но отобрали географические карты и наручные компасы, дабы не возникло соблазнов к побегам. Гитлер в эти дни много рассуждал о том, что напрасно поспешил, присвоив Паулюсу чин генерал-фельдмаршала: он вспомнил красивую благородную даму – секретаршу Геринга:

– Порядочная женщина! Рейхсмаршал распустил свои руки, обращаясь с ней, а она прошла в свой кабинет и застрелилась... Как все просто! Пистолет – это же легкая смерть. Какое малодушие испугаться выстрела... В эту войну больше никто не получит звания фельдмаршала!

Паулюса отвезли в Суздаль, а в Германии о нем сообщили, что он погиб, отстреливаясь до последнего патрона, – на той же площади Павших борцов.

3 февраля Геббельс дал установку для прессы:

«Газеты должны выйти без траурных рамок. На первой странице можно поместить несколько иллюстраций героического содержания. Надлежит описать эту битву в сдержанном, мужественном, национал-социалистском духе. Настал момент, когда немецкие журналисты и писатели должны создать миф, который даст силы грядущим поколениям германской нации. Полученные раны заживут, а героизм переживет века. Разъяснение: самостоятельные комментарии запрещаются...»

– Допустимы ли сейчас, – спросил Фриче, – аналогии между нынешним положением рейха и положением старой Пруссии после поражения от русских при Кунерсдорфе?

– Пожалуй... да! – согласился Геббельс. – При этом у микрофона следует напомнить слушателям (но с умом!), что героизм сталинского солдата мало чем отличается от храбрости русского солдата времен царицы Елизаветы. Это скорее упрямство скотов на великой мясной бойне, а совсем не продуманное явление патриотизма, как твердит нам по радио московская пропаганда...

Мешки с письмами вскрыли в канцелярии Геббельса.

– Начнем творить миф! – сказал он. – Создадим особую комиссию из проверенных членов партии. Срежем адреса на конвертах. Все письма из Сталинграда классифицируем по их настроению. Последние слова гренадеров Паулюса станут основой для создания бессмертной биографии... Я уже вижу, как потомки с трепетом приникнут к этим скрижалям!

Все сделали, как он велел: письма пустили в набор, и тут наступило отрезвление... Геббельсу было доложено:

– Такого мифа создать нельзя! Лишь два процента солдат армии Паулюса еще продолжали верить в дело фюрера, остальные слали проклятия. Вот послушайте: «Сталинград – хороший урок для немецкого народа. Жаль только, что тем, кто получил этот урок, трудно будет использовать его в будущие времена. Но всем нам, немцам, следует помнить о нем...»

Геббельс вчитался в корректуру. Некоторые фразы были уже подчеркнуты цензорами из бюро военно-статистической информации: «Ты – жена немецкого офицера, и ты должна понять все, что я тебе скажу... Я не трус! Но мне обидно, что самую большую храбрость я мог проявить в деле, которое абсолютно бессмысленно и преступно... Итак, ты знаешь, что я к тебе не вернусь. Но меня никто не убедит умереть со словами: „Хайль Гитлер!“»

– Да, это для печати не годится, – огорчился Геббельс...

18 февраля он выступил в берлинском Спортпаласте:

– Нам осталось две крайности: капитулировать или открыть тотальную войну... Вы разве хотите поражения?

– Нет, нет, никогда, – хором отвечали из зала.

– Значит, вы хотите тотальной войны?

– Да, да... хотим! – И зал вздрогнул в овациях.

...Геббельс не дожил до Нюрнбергского процесса. Зато на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались два представителя германского генштаба – Йодль с Кейтелем. А фельдмаршал Паулюс занял место на трибуне свидетеля, и, кажется, был момент, когда из свидетеля он мог стать подсудимым.

Нюрнберг! Как он был страшен в те годы...

Американский солдат, удовлетворяя половой инстинкт прямо в подворотне, грубо сказал раскрашенной немке:

– Не все в Германии так уж и погано, как об этом писали в наших газетах. Благодарю вас, фрау!

Немка заплакала от женского стыда:

– Я ведь не проститутка... вдова капитана! У меня трое голодных детей, а что получишь от вас по карточкам?

«Джи-ай», ухмыльнувшись, протянул ей чулок:

– Можешь обменять на кофе... идет?

– А где второй?

– Если хочешь иметь пару, то второй получишь завтра на этом же месте. Сам я не приду, но пришлю вместо себя своего хорошего друга – со вторым чулком!

Да, страшен был Нюрнберг в 1946 году – поверженный, голодный, опозоренный. Над дверями приличных баров висели объявления: «Немцам вход воспрещен». На смену победным радиофанфарам Геббельса пришли ветхие шарманки, напевавшие старое, памятное еще со времен кайзера Вильгельма:

Мое дитя, ты не свихнись,

Где больше спятивших –

Туда стремись...

Бравые сержанты армии США торговали на рынках пенициллином, безногие калеки в мундирах вермахта предлагали авторучки «Паркер». Чашка кофе стала праздником, а жевательная резинка – развлечением. По указанию Эйзенхауэра немцы получали продуктовые карточки в том случае, если могли предъявить использованный билет на просмотр документального фильма о зверствах нацистов в концлагерях. Американцы гоняли немцев смотреть раскопанные рвы, в которых догнивали трупы замученных, а немцы говорили, что «они ничего не знали». Это бесило американцев:

– Хватит трепаться, будто вы не знали того, что у вас под носом творилось! Почему же мы, жившие за тысячи миль от Германии, были извещены обо всех ужасах в вашей стране...

В нюрнбергском Дворце юстиции заседал Международный трибунал, и там в качестве обвинительных документов тоже показывали фильмы о зверствах гитлеровского режима. Здесь тоже отворачивались от экрана, надевали непроницаемые очки, а некоторые военные преступники даже... плакали. Судьям и

прокурорам невольно вспомнилась старинная сентенция: «Бойтесь побежденных немцев! Еще им не удалось затопить мир в крови, они затопят его своими слезами...» Нюрнберг, бывшая «партийная столица» Гитлера, оказался столицей международного правосудия. Конечно, наехало множество журналистов и хроникеров, жаждавших неповторимых кадров, уникальных сенсаций. Но скоро первичная острота впечатлений притупилась. Корреспонденты проводили время в барах пресс-кемпа, маклачили барахлом, флиртовали. Впрочем, администрация Дворца юстиции предусмотрела и это. В бары были выведены репродукторы, доносившие каждое слово прокуроров и подсудимых, о важных событиях процессов оповещали гудками сирены, чтобы все поспешили к телетайпам, занимали телефонные будки... Американцы жаловались русским коллегам:

– Все надоело! О чем писать? Вот если бы московский обвинитель Руденко выхватил из карманов галифе пистолет и шлепнул за барьером самого Геринга... ого!

Морозный день 11 февраля не сулил никаких сенсаций. Никаких, пока речь не зашла о плане «Барбаросса» – плане нападения Германии на Советский Союз. Руденко представил Трибуналу письменное показание по этому вопросу Паулюса:

– Его аффидевит прошу приобщить к делу...

Адвокаты, защищавшие на процессе военных преступников, даже в самом имени фельдмаршала ощутили добротный «материал» для защиты Йодля и Кейтеля, благо не кто иной, а сам Паулюс был главным создателем плана «Барбаросса».

Пошептавшись с Герингом и Риббентропом, они заявили:

– Суд, нам кажется, не может довольствоваться лишь письменным аффидевитом, для полного установления истины требуется и личное присутствие Паулюса.

Все заметили удовольствие на лице Геринга. Конечно, большевики способны подсунуть Трибуналу липовую бумажку, будто писанную Паулюсом, но... где они возьмут самого Паулюса? А если фельдмаршал еще не околел после зверских пыток на Лубянке, то что хорошего он может сказать?

Лорд Лоренс почтительно спросил Руденко:

– Сколько надобно времени советской стороне обвинения для доставки сюда свидетеля Паулюса?

– Пять минут, – ответил Руденко.

Это и был тот момент, когда сирена возвестила в пресс-кемпе небывалую для процесса сенсацию. Адвокаты в лиловых мантиях уже ринулись на трибуну:

– Нет, нет! Мы настаиваем на вызове фельдмаршала Паулюса в качестве свидетеля советской стороны обвинения! Защита ознакомилась с его affidavitом, и она полагает, что этого вполне достаточно для судебного процесса...

Поздно! Уже прозвенел звонок в руке Лоренса:

– Прошу ввести свидетеля Фридриха Паулюса...

Настала мертвая тишина, и в этой зловещей тишине зал услышал четкие шаги человека – это шагала сама история. Появилась подтянутая, юношески стройная фигура генерал-фельдмаршала, одетого в синий ладный костюм. Выражение его лица оставалось непроницаемо даже тогда, когда вокруг него вспыхивали репортерские «блицы», его нисколько не смутило резкое жужжание киносъёмочных камер...

Нет, это не призрак. Нет, это не загробная тень.

– Вас зовут Фридрих-Вильгельм Паулюс?

– Да.

– Вы какого года рождения?

– Тысяча восемьсот девяностого.

– Вы родились в деревне Брейтенау?

– Да. Гессен-Кассельские земли Германии. – Рука фельдмаршала бестрепетно покоится на Библии. – Клянусь говорить правду, только правду...

Геринг надевает черные очки. Кейтель передает записку Риббентропу, Йодль делает вид, что сейчас нет ничего интереснее на свете, чем играть с карандашом. Паулюс ровным тоном рассказывает, как зарождалась преступная агрессия против Европы, прямо в лицо разоблачает тех, от кого отделен сейчас барьером неприкасаемости. Адвокатам военных преступников такая правда не нужна! Но есть выход: запугать фельдмаршала, вызвать к нему антипатию, здесь же следует превратить его в мерзавца и продажную тварь:

– Знает ли господин Паулюс, что если высокий Трибунал, осуждая фельдмаршала германского генштаба, сочтет этот генштаб организацией преступной, то и господин Паулюс автоматически переводится в разряд преступников?

Но Паулюс не такой человек, которого можно упрятать за барьер. Ясно, что сидеть между Йодлем и Кейтелем он не намерен... Вот его протокольный ответ:

– Я здесь выступаю в качестве свидетеля в отношении тех обвинений, которые предъявлены подсудимым. Поэтому я прошу суд позволить мне не отвечать на вопросы, которые направлены на то, чтобы обвинить лично меня.

Перекрестный допрос адвокатов напоминает ему перекрестный обстрел из пулеметов... еще там, в Сталинграде!

– Правда ли, что вы читаете лекции в московской Академии Генерального штаба, обучая советских генералов?

Что-то вроде улыбки исказило лицо Паулюса:

– Постарайтесь вспомнить, кто кого победил в этой войне. Есть ли резон в том, что русские генералы будут выслушивать мои лекции, основанные на горьком опыте?

– А какая у вас должность сейчас?

– Самая отвратительная – военнопленный.

– Вас привезли сюда из концлагеря?

– Нет. Я живу под Москвою... на даче.

– И чем же вы заняты на этой даче?

– Вспоминаю. Рисую. Кормлю белок. Развожу цветы...

Чешский журналист из «Руде право» Зденек Кропач записал:

«Когда фельдмаршал уходил, не чувствовалось, что он устал. Все такой же уверенный в себе, он шел длинными коридорами в сопровождении советско-американского конвоя».

Здесь его перехватил корреспондент Хейдеккер:

– Один вопрос – как живет пленным в России?

– Хорошо, – ответил Паулюс кратко.

«Джи-ай» уже отталкивал Хейдеккера, приказывая ему удалиться, но тот успел еще крикнуть:

– Хорошо? И даже вашим сталинградским?

– Успокойте немецких матерей, – холодно произнес Паулюс. – Напишите в своей газете, что германские военнопленные в России обеспечены гораздо лучше, нежели русские дети... Они были бы счастливы иметь сахарный паек – какой имеют мои солдаты...

Повидать отца приехал из-под Кёльна сын, Эрнст-Александр Паулюс, бывший майор вермахта. На постоялом дворе в деревне под Нюрнбергом майор не отказался от беседы с московским

журналистом Михаилом Гусом, который всю войну вел в эфире борьбу с радиопропагандой Геббельса.

Здесь, в немецкой деревне, Гус узнал, что осенью 1944 года семья фельдмаршала была репрессирована.

– Арестовали не только меня, но и мать, жену, всех детей. Я сидел в гестапо на Принц-Альбертштрассе, восемь. Потом перевели в военную тюрьму Кюстрина. Сейчас с женою проживаю во Фризене, где служу на печной фабрике тестя...

– Наверное, репрессии обрушились на вашу семью, когда фельдмаршал выступил по московскому радио против нацистского режима и лично против Гитлера?

– Пожалуй, раньше... Сразу, как только отец вступился за генерала Зейдлица, и я до сих пор не пойму, зачем он это сделал? Отец знал обстановку в рейхе, мог бы и пощадить нас. Я знаю, что Зейдлиц в плену стал вашим агентом. Но он предал моего отца еще в котле. Роль этого генерала в судьбе отца оказалась столь же роковой, как и влияние Артура Шмидта... Вы его знаете?

– Да, майор. Они и в Сталинграде не ладили. Генерал Шмидт, как нацистский преступник, осужден на двадцать пять лет и освободится вскоре.

В беседе было никак не миновать Сталинграда.

– Вы, – сказал майор Паулюс, – не должны думать об этой трагедии упрощенно. Это не только наше поражение и не только ваша победа. В котле Сталинграда возникали проблемы не обязательно военные. Были и политические. Были и чисто моральные. Надеюсь, с вашей стороны тоже возникали подобные вопросы. А теперь немецкий фельдмаршал, мой отец, вынужден перед лицом Международного трибунала осуждать своих же коллег.

– Все, что делает ваш отец, – отвечал Гус, – он делает добровольно, и не ошибаетесь ли вы, думая, что он вынужден давать показания? Вам, вышедшему из тюрьмы гестапо, не следовало бы рассуждать так наивно. Простите меня.

– Ах, при чем здесь тюрьма! Франц Гальдер, начальник нашего генштаба, тоже сидел в концлагере, Ялмара Шахта американцы вытащили чуть ли не из печей крематория в Дахау. А теперь вы же объявили их военными преступниками... Да, – заключил майор, – Германия сейчас в слезах, но придет время, и мы, побежденные, еще станем потешаться над вами, победителями.

Помните, что завещал великий Шиллер: «Даже на могилах пробиваются яркие ростки надежды...»

И даже здесь, в пригородах Нюрнберга, скрипела старинная шарманка, воскрешая былое, из которого все и возникло:

Мое дитя, ты не свихнись,
Где больше спятивших –
туда стремись...

Часть первая БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ

Следуй реке, начиная с ее истоков. Истина сегодня – завтра окажется ложью.

Ф. Паулюс. Из записной книжки

Мне тогда совсем не приходила в голову революционная мысль о том, чтобы сознательно вызвать поражение и тем самым привести к падению Гитлера и нацистского режима как препятствия для окончания войны.

Из архива фельдмаршала Ф. Паулюса

Фридрих Паулюс – одна из наиболее выразительных фигур германского фашистского генерального штаба. Судьба этого человека, если рассматривать ее через призму исторических судеб германского милитаризма, характерна.

Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа

1. РУКИ ПО ШВАМ

Красная вертикаль лампаса подчеркивала его стройность.

Внешне и внутренне Фридрих Паулюс как бы выражал некий эталон образцового генштабиста. Неразлучное присутствие красивой жены с ее очень выразительной внешностью яркой бухарестской красавицы дополняло его лаконичный облик.

В светском обществе он любил вспоминать былое:

– Дамы и господа, я вышел из школы Ганса Секта, стесненного условиями Версальского мира. Сект не имел права усиливать нашу армию. Но старик извернулся, найдя выход. В его рейхсвере любой фельдфебель готовился в лейтенанты, а лейтенанты умели командовать батальонами. Версаль воспретил

нам, немцам, иметь танки! Но в автомобильной роте Цоссена мы обучались на тракторах, ибо трактор сродни танку. А наши замечательные конструкторы втайне уже работали над проектами совершенных форм и прекрасных моторов. Наконец пришел Гитлер, он денонсировал позорные статьи Версаля, и мы сразу оказались закованы в крупновскую броню...

Типичный офицер старой школы, Фридрих Паулюс, отдадим ему должное, был далек от пруссачества – с его моноклем в глазу и выпрененным фанфаронством. Ему, рожденному при жизни Бисмарка и Мольтке, было суждено отмаршировать в рядах армии кайзера, рейхсвера генерала Секта и гитлеровского вермахта. Перешагнув за сорок лет, Паулюс с нежной грустью вспоминал минувшую эпоху «Вильгельмцайт», отзвучавшую призывными звуками вальса:

– Германия жила иначе. По вечерам на улицах слышалась музыка, немцы были добрее и много танцевали. А какие вкусные ликеры привозили из Данцига! Тогда от самой Оперы до Бранденбургских ворот можно было гулять под липами...

Теперь – увы – Унтер-ден-Линден казалась голой: Гитлер вырубил древние липы, посаженные еще при Гогенцоллернах, чтобы деревья не мешали его факельным манифестациям.

Паулюс всегда грустил, вспоминая эти берлинские липы, а площадь Павших борцов в Сталинграде еще не тревожила его стратегического воображения, да и сам Сталинград на картах именовался по-старому – Царицын. Но как генштабист, Паулюс хорошо знал самое для него существенное:

– Там у большевиков тракторный завод, а где трактора – там и танки. Только этим интересен для меня этот город...

А все-таки, читатель, как же эта жизнь начиналась?

Фридрих Паулюс был сыном счетовода, служившего в тюрьме Касселя; мать его, тихая и болезненная женщина, была дочерью дирижера, управлявшего хором арестантов в той же тюрьме, и, пока тесть разучивал с арестантами божественные хоралы с призывами ко Всевышнему о милости, его отец отщелкивал на счетах количество съеденного арестантами гороха с салом.

Семья Паулюсов, очень старинная в Гессен-Кассельских землях, знатной родословностью не могла похвастать, ибо их предки извечно крестьянствовали, лишь одиночки выбились в

священники, сельские учителя или оставались мелкими чиновниками.

Отец внушал быстро подрастающему сыну:

– Всегда помни, Фриц, что все гессенцы, потомки древнегерманского племени каттов, были людьми честными, верными и добропорядочными. Знай, что лучше совсем не иметь друзей, но только бы никогда не иметь и врагов.

– Да, папа, – соглашался мальчик...

Паулюсу запомнилась вечно заботящаяся обо всех мать, старательный труженик-отец, который вечерами иногда приносил домой кастрюлю с гороховой похлебкой, что оставалась от ужина арестантов, семья Паулюсов насыщалась, старательно вспоминая Бога, который о них не забывает.

Шел 1909 год, когда Фридрих Паулюс закончил гимназию и вышел в большой мир, который для него был заранее ограничен кастовыми перегородками. Он вырос грамотным, послушным, со всеми одинаково ровный, ни с кем не сближаясь и ни с кем не враждуя. Его аттестат зрелости лишь подтверждал достоинства юноши, но дорог в будущее не указывал. Германия времен кайзера была строгой империей, где все люди были заранее расположены по сословиям, как товары в магазине по полкам, и рожденный в подвале не смел претендовать на место в высших этажах имперского здания. Свою ущербность выходца из мелкобуржуазной семьи Паулюс испытал сразу же, когда его не приняли в военно-морскую школу.

– Советуем быть скромнее в своих желаниях, – заявили в школе Паулюсу. – Разве у вас в роду имелись офицеры?

– Нет, – стыдливо покраснел Паулюс.

– Может, были коммерц-советники?

– Тоже нет.

– В таком случае ищите в жизни другие пути...

Иные пути привели его в Марбург, где Паулюс стал изучать право в университете. Юридическая казуистика не заманивала его в свои головоломные дебри, где привольно паслись будущие зубры прокуроры и адвокаты с повадками хитрых лис, – Паулюса волновало иное: как ему, сыну счетовода, сбросить ярмо своего презренного сословия, чтобы вступить в новый, сверкающий мир?..

Факультет права в Марбурге примыкал к клинике для умалишенных, и вечерами, покинув аудитории, Паулюс гулял в

скверике, раскланиваясь с психопатами, среди которых встречались умнейшие люди. Как-то один из них, узнав о сетованиях юноши, сказал, что история Германии во все времена была, есть и будет только историей офицерского корпуса:

– Рано или поздно Германии предстоит вести большую войну, и армия готовится к ней, допуская в офицерское казино даже отпрысков из семей чиновничества. Попробуйте счастья в Баденском полку имени принца Евгения Савойского... Служить не трудно, если держать руки по швам!

Паулюс начал службу в звании «юнкер-ассистента при знамени». Это случилось в феврале 1910 года, а осенью уже выбился в фенрики – кандидаты в офицеры. Он получил допуск в офицерское казино, под сень которого и вступил с молитвенным настроением пилигрима, отряхнувшего прах с ног своих, чтобы войти в заколдованный храм, где ему откроются непреложные истины. Тогда же Паулюс окончил военную школу в Энгерсе, и наконец пробил волшебный час: в августе 1911 года он стал лейтенантом. Первой узнала об этом его любимая сестра Корнелия, которую в семье называли Нелли. При встрече в Ранштадте она пылко ласкала эполеты на плечах брата, целовала эфес его сабли.

– Кто бы мог подумать, – шептала она в небывалом экстазе. – Неужели и мы, Паулюсы, стали иметь офицера? Фриц, только б не было войны... Ах, ты бы знал, что стало с отцом и матерью, когда они известились о том, что их сын – лейтенант!

– Нелли, – отвечал Паулюс, обнимая ее узкие плечи. – Знала бы ты, что со мною происходит! Да, я ступил одною ногою на ту лестницу, по которой легко взбегали другие. Но теперь, теперь... я очень влюблен.

– Так это же хорошо, – порадовалась сестра.

– Это очень сложно. Ибо добиться руки и сердца моей избранницы для меня сейчас труднее, нежели стать фельдмаршалом. Не пугай маму и папу тем, что у их сына кружится голова.

Было от чего закружиться голове лейтенанта...

Внешне это ни в чем не проявлялось: Паулюс оставался по-прежнему пунктуальным в службе, ровным в обращении с высшими и низшими, его голос – в радости или гневe – оставался спокойным. Казалось, возмутить его невозможно! Высокий и очень стройный, Паулюс был излишне щеголеват, бдительно следил за

чистотой манжет, за блеском своих сапог, за строгоуставным размером мундирного воротничка.

– Милорд, – говорили о нем в Баденском полку, и он даже гордился этим прозвищем, которое заслужил корректной холодностью, одинаково пленявшей и его врагов, и его друзей.

Товарищами в полку были два брата-румына – Ефрем и Константин Розетти-Солеску, сыновья бухарестского консула в Берлине, и Паулюса влекло к братьям, ибо они для него были выходцами как раз из того загадочного и волшебного мира, который для Паулюса всегда оставался недоступным.

– Знай, – говорили братья, – что по линии матери мы приходим от племянника римского императора Юстиниана, наши предки из Генуи выехали в Валахию, где и стали боярами. Прабабушка была из рода князей Стурдза, что были господарями Молдовы, а наша бабка из сербской династии Обреновичей, что были королями в Белграде. Наконец, наш родной дядя, Георг Розетти-Солеску, был румынским послом в Петербурге, где и женился на Ольге фон Гире, племяннице русского министра иностранных дел в царствование Александра III...

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонементов по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.